

Рождение песни

Дзержинский

□
Д. СЛАВЕНТАНТОР

□
— Горюете? Стоит ли? Что?.. Бросить музыку?.. Как будто бы на Консерватории свет клином сошелся. Знаете что? Поступайте ко мне в техникум.

Он оказался известным музыкальным деятелем М. Гнесиным. Иван Дзержинский согласился. Он с увлечением работал у Гнесина, получил у него основы подлинного понимания искусства и написал тогда «Туркестанскую сюиту», которую и считает своей первой зрелой вещью.

Его волновала народность музыки, ее мелодичность, песенное ее начало. Он глубоко чувствовал Мусоргского, Бородина, — всех тех, кто создавал великую реалистическую школу русской музыки, и формирование советского большого музыкального искусства он видел на этих же путях.

Так определилось в нем желание работать над «Тихим Доном». Значительность темы его не пугала: советское искусство и должно быть значительным по глубокой идейности. Драматическая тема «Тихого Дона» увлекла его. Он работал всепоглощающе и со страстью. Первый черновой набросок вместе с другими прослушал Самосуд.

Самосуд не ждал прихода советской музыкальной драмы безвольно, он напряженно работал для ускорения ее прихода. Самосуд знал, что советская опера не упадет в руки театра готовенькой, но что театру нужно созда-

вать ее вместе с композиторами. И он с настойчивостью искал талантливых людей. Он не боялся их молодости, их недостаточной художественной зрелости. Зрелость придет в работе. Услышав несколько картин «Тихого Дона», он почувствовал их силу.

Не все в работе молодого композитора было на высоком уровне. Но недостатки «Тихого Дона» не могли заслонить свежести, которую можно было почувствовать уже в черновом материале.

Работа Малого академического театра над «Тихим Доном» совпала с конкурсом на советскую оперу, проходившим в Московском Большом театре. Дзержинский вернулся с конкурса угрюмым. Нехоти рассказывал он Самосуду о том, как равнодушно принял его оперу («Понимаете, они жевали бутерброды с колбасой»). Самосуд смеялся. «Ну их... Оставьте... Работа продолжается!..»

И работа продолжалась, и мы знаем, чем она кончилась.

Беседа со Сталиным в Большом театре на спектакле «Тихого Дона», пожелание им успеха в дальнейшей работе укрепили в Дзержинском уверенность в правильности своего пути. Его давно уже привлекала «Поднятая целина». Теперь он решил взяться за нее. Дзержинский уехал на Дон, в Венесенку к Шолохову. Он прожил у Шолохова неделю, а потом отправился в станицы. В одной из них он увидел живого, шуплого деда Шукаря. Дед был жив, здоров, очень словоохотлив и чрезвычайно гордился тем, что попал в литературу. В Миллерово Дзержинский слушал походные казачьи песни. Ах, как изу-

мительно пели казаки! В их песнях текли невидимые струи народных мелодий, тех краев, где ступал в походах казачий конь...

Самосуд не оставил Дзержинского, помогал ему, заставлял не раз переделывать отдельные куски оперы. Дзержинский мужал на этой работе, больше уделял внимания оркестровке, понимая, что он недостаточно ею владеет. Теперь он твердо знал, что единственный путь его развития, на котором ему предстоит еще много работы, чтоб быть достойным большого советского искусства, — это реализм, напряженность, выразительность, красочность.

После «Поднятой целины» он принялся за работу над «Волочаевскими днями».

...Он видел перед собой невысокого самурая в крагах и в защитном френче японской императорской армии, с вежливой улыбкой, застывшей, точно маска, на его лице. Но это было ложное обличье самурая. В моменты неудач на смену ему выступало настоящее — жестокое, злобное и мстительное.

Представлял себе Дзержинский и молодого парня-партизана, крепкого, ловкого, с хитрецей, с крепкой ухваткой — одного из тех, кто гнал самураев с советской земли. Он видел перед собой встречу таежных партизан с регулярными частями Красной Армии, и радостная музыка братской встречи звучала в его ушах. Он представлял себе, как в будущей опере слово будет звучать так же, как музыка. Оно будет не служанкой музыки, но равной ей в драматическом спектакле, поющем о борьбе народа с врагами-интервентами. Так возникло и укрепилось творческое содружество поэта с композитором, содружество Гусева с Дзержинским.

«Волочаевские дни» не казались прошлым, героическим, но уже отошедшим прошлым. О том напоминали Мещерякова Падь, Гродеково, озеро Хасан, каждый свежий газетный лист, каждая новая передача последних новостей по радио. Герои «Волочаевских дней» 1922 года жили и боролись в лето 1938 года! Держа порох сухим, они крепко стояли на страже родных рубежей. Работая над «Волочаевскими днями», Дзержинский и Гусев видели их перед собой.

После нескольких месяцев работы сложился сюжет оперы. В ней будет действовать Степан Касаткин, образ которого навеян славной жизнью Сергея Лазо и других замечательных большевиков Дальнего Востока; матрос (его песнь: «Балаклава, Балаклава, черноморские края»), Ольга, верный и мужественный друг Степана Касаткина, партизаны...

Знакомясь с материалами гражданской войны и интервенцией на Дальнем Востоке, Гусев и Дзержинский увидели, как велика была бодрость народа в этой борьбе. Его песни были бодрой и задумчивой. Хорошо певали партизаны в короткие часы таежных привалов! Так пели на далекой Волге чапаевцы, на Украине — богунцы и таранцы Шорса — по-разному, но об одном пели в противоположных концах родимой земли. В «Волочаевских днях» тоже будет слышаться эта песня — то задумчивая, то веселая. Поэту и композитору слышится мотив озорной и насмешливый, песня о том, «как самурай партизана в плен ловил». Они мечтают о том, чтобы эта песня стала народной, чтобы вызывала она хохот, чтобы вышла на улицу, на площадь, чтобы любой малыш распевал ее во все горло, чтобы враг бледнел от злости, слушая насмешливую песню про незадачливого самурая...